

РАЗДЕЛ 4. ЯЗЫК — ПОЛИТИКА — КУЛЬТУРА

УДК 81'42:81'27
ББК Ш105.51+Ш100.621
DOI 10.26170/pl19-05-13

ГСНТИ 16.21.07; 16.21.27

Код ВАК 10.02.19

О. В. Врублевская

Волгоградский государственный социально-педагогический университет, Волгоград, Россия

ORCID ID: 0000-0003-3269-2622

 E-mail: Gesse-wolf2009@yandex.ru.

Прецедентные антропимы политического дискурса как средство социальной оценки

АННОТАЦИЯ. *Статья посвящена исследованию имен собственных, которые в постсоветский период изменили или приобрели оценочные значения. Объектом исследования являются прецедентные антропимы политического дискурса (имена советских, российских и зарубежных политиков разных периодов, а также имена личностей, связанных с политическими скандалами). Цель проводимого исследования заключается в выявлении оценочных значений, которые сформировались у данных имен под влиянием политических, экономических и социальных факторов в российском обществе в постсоветское время (начиная с 1990-х гг. по настоящее время). Для выявления оценочных значений исследуемых имен был проведен анализ их контекстуального употребления. Материалом исследования послужили контексты из средств массовой информации и Национального корпуса русского языка (художественный и публицистический подкорпусы). Результаты анализа показали, что исследуемые имена при употреблении в переносном значении (1798 контекстов) реализуют свой оценочный потенциал, выступая в качестве члена сравнения или метафоры. Исследование также выявило три типа социальной оценки, реализуемой посредством прецедентного антропима из сферы политики: оценка качества политического деятеля, его внешних признаков (особенности внешности, элементы одежды / манера одеваться) или оценка единичных резонансных событий, ситуаций, связанных с конкретной личностью. Некоторые прецедентные антропимы становятся многозначными, за сравнительно короткий период приобретают несколько устойчивых переносных значений.*

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: *прецедентные имена; политический дискурс; социальная оценка; язык СМИ; ономастика; прецедентные антропимы; политические деятели; СМИ; средства массовой информации; медиалингвистика; медиадискурс; медиатексты.*

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ: *Врублевская Оксана Валентиновна, доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры языкознания, Волгоградский государственный социально-педагогический университет; 400066, Россия, Волгоград, пр-т им. В. И. Ленина, д. 27; e-mail: Gesse-wolf2009@yandex.ru.*

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: *Врублевская, О. В. Прецедентные антропимы политического дискурса как средство социальной оценки / О. В. Врублевская // Политическая лингвистика. — 2019. — № 5 (77). — С. 132-139. — DOI 10.26170/pl19-05-13.*

БЛАГОДАРНОСТИ. *Исследование выполнено при поддержке гранта РФФИ № 19-012-00578 «Коннотативные имена собственные как инструмент социальной оценки: динамический аспект (на материале русскоязычных текстов постсоветского периода)».*

В обществе постоянно происходит оценка фактов и явлений окружающей нас действительности. В оценках отражается взаимодействие окружающего мира и человека.

Субъектом оценки может выступать лицо или социум, с точки зрения которого дается оценка. Объектом оценки — лицо, предмет, событие или положение вещей, к которым оценка относится [Вольф 1985].

В. Н. Телия определяет оценку как семантическую категорию, которая выражает «отношение, связь, устанавливаемую между ценностной ориентацией говорящего и обозначаемой реалией, оцениваемой положительно или отрицательно по какому-либо основанию в соответствии со стандартом бытия вещей или положению дел в некото-

рой картине мира, лежащей в основании оценки» [Телия 1986: 23].

Несмотря на то, что некоторые ученые разводят понятия *оценка* и *оценочность* (оценка — семантическая категория, оценочность — стилистическая [см., напр.: Воронцова 2006, Хабекирова 2009]), большинство исследователей употребляют эти термины как синонимы.

Оценочное высказывание понимается как «высказывание, устанавливающее абсолютную или сравнительную ценность некоторого объекта» [Ивин 2012: 203].

Таким образом, оценка неразрывно связана с понятием *ценности* и служит проявлением ценностей, актуальных в определенный период. Как отмечает В. В. Суْتُжко,

«социальная оценка — это производное от социальных ценностей, проявляющихся в общественных отношениях. <...> Социальную оценку формируют: социальная направленность, социальные установки, обыденное массовое сознание, идеология и др. <...> Социальная оценка также понимается как мера соответствия какого-либо социального события (явления, факта) определенным социальным критериям, которые выдвигает общество и сам человек, исходя из своего социального опыта» [Сутужко 2004: 18—19].

В последние несколько десятилетий социальная оценочность сделалась одним из основных признаков языка СМИ и политики [Солганик 2012]. Н. И. Клушина подчеркивает, что социальная оценочность становится «ведущим конструктивным принципом публицистического дискурса, поскольку автор-журналист является выразителем не только и не столько индивидуального личностного мировоззрения, но прежде всего — мировоззрения определенных социальных групп, которое он разделяет» [Клушина 2008: 39, 40].

Однако здесь следует заметить, что социальная оценка может подвергнуться переоценке и трансформироваться в новую оценку или приобрести иную форму. Подобные процессы характерны для последних нескольких десятилетий в связи со сменой политической (идеологической), экономической, социально-культурной ситуации в нашей стране. Как отмечают исследователи, «слова, втянутые в круговорот общественных и политических событий, в наибольшей степени подвержены изменению оценки» [Ретунская 1989: 28].

Таким образом, в современных условиях особую актуальность приобретает исследование социальной оценочности языковых единиц.

Социальная оценочность реализуется посредством разноуровневых единиц, которые выражают отношение автора к предмету речи. Исследованию данных единиц посвящены работы об оценочных значениях [Арутюнова 1988] и способах их выражения [Вольф 1985], о социально маркированной лексике [Ретунская 1989], об оценочной информации в инвективных текстах [Чернышова 2009], о взаимосвязи коннотации слова с категорией меры обозначаемого явления [Матвеева 2012] и др. В последние десятилетия спектр оценочных единиц расширяется. Так, происходит активное вовлечение всё большего количества имен собственных в число языковых единиц, используемых для социальной оценки различных фактов, событий, известных личностей и другого, что отмечается рядом исследователей [Нахимова 2008; Крюкова 2011; Клушина 2008 и др.].

Имена собственные, в частности антропонимы, как пишет Н. И. Клушина, «претерпевают авторскую стилистико-идеологическую трансформацию, что способствует утверждению в массовом сознании определенного оценочного восприятия не только о нем, но и стоящего за ним конкретного человека. Как и любая метафора, метафора ономастическая является основой публицистической номинации, поскольку является мощным языковым механизмом убеждения с помощью удачно выбранного слова» [Клушина 2008: 45—46].

Кроме того, Н. И. Клушина подчеркивает, что ономастическая метафора является яркой чертой новейшего публицистического дискурса, не использовавшейся в советской массовой коммуникации [Клушина 2008: 45].

В соответствии с представлениями такого научного направления, как теория прецедентности, случаи использования ономастической метафоры определяются как случаи употребления прецедентных имен (подробнее см.: [Нахимова 2008]), т. е. «широко известных имен собственных, которые могут быть использованы в качестве особых культурных знаков, своего рода символов определенных качеств» [Гудков, Захаренко, Красных, Багаева 1997].

Число прецедентных имен в средствах массовой информации постоянно растет. Одни из них задерживаются в языке и культуре надолго, другие в настоящее время выходят из употребления, но они также представляют интерес для исследования, так как отличаются повышенной частотностью в определенный период и характеризуют речь носителей русского языка на этом этапе.

Е. А. Нахимова выделяет четыре смысловые сферы, которые являются источниками, пополняющими арсенал прецедентных имен. К первой сфере относятся три группы имен: имена «олигархов»; имена широко известных политических лидеров некоммунистической России; имена людей, которые «прославились» своими преступлениями, вызвавшими значительный общественный резонанс. Границы между данными группами размыты. Вторая сфера — это СМИ, здесь выделяется группа прецедентных имен широко известных тележурналистов. Третья сфера — это искусство и соответственно имена, относящиеся к ней. И четвертая сфера — литература, куда включаются имена героев художественных произведений [Нахимова 2011].

В данной статье объектом рассмотрения являются антропонимы политического дискурса. Это имена советских политических лидеров, переосмысленные в настоящее время (*Ленин, Сталин, Хрущев, Брежнев*);

имена политиков перестроечного и постперестроечного периода (*Горбачев, Ельцин, Чубайс, Лужков*); имена современных российских и зарубежных политиков (*Путин, Жириновский, Порошенко, Зеленский, Обама, Трамп* и др.); имена, связанные с политическими скандалами (*Моника Левински, Сноуден*). Всего было рассмотрено 20 имен. Данные имена отбирались с учетом проведенного ранее ассоциативного эксперимента [Врублевская 2019], цель которого состояла в выявлении ассоциативного потенциала разновременных имен политического дискурса, закрепившихся в языковом сознании носителей русского языка в постсоветский период. Результаты эксперимента выявили несколько ассоциативных рядов: 1) денотативные родовидовые реакции; 2) эмоционально-оценочные реакции; 3) ассоциативные реакции, относящиеся к внешнему облику политика; 4) ассоциативные реакции, апеллирующие к определенным событиям, которые связаны с данным именем. Рассматриваемые в данной статье имена получили наибольшее количество ассоциативных оценочных реакций, что позволило предположить наличие и/или развитие у них переносных оценочных значений. Для подтверждения данного предположения был проведен анализ контекстного употребления исследуемых имен. Всего было проанализировано 5258 контекстов из средств массовой информации и Национального корпуса русского языка (художественный и публицистический подкорпусы) за период 1995—2019 гг.

Все анализируемые в данной работе имена можно отнести к прецедентным антропонимам, так как им присущи критерии прецедентного имени, выделяемые современными исследователями. К этим критериям относятся широкая известность [Гудков 1999; Слышкин 2000; Красных 2002], регулярная воспроизводимость [Кушнерук 2004], неденотативное использование [Нахимова 2004, 2005] (цит. по [Нахимова 2007: 56—57]). Е. А. Нахимова (2007) выделяет в качестве признака прецедентного имени еще атрибутивный критерий, т. е. «использование определений, подчеркивающих нетрадиционность смысла определяемого имени», «в качестве определений могут использоваться такие прилагательные и местоимения, как *новый, современный, русский, наш, свой* и др.» [Нахимова 2007: 66—67]. К данным критериям Е. А. Нахимова добавляет следующие формальные признаки: графический (использование в начале не прописной, а строчной буквы), пунктуационный (использование кавычек), морфологический (употребление в форме множественного числа) [Нахимова 2007: 60—65].

Анализ контекстов показал, что исследуемые имена при употреблении в переносном значении (1798 контекстов) реализуют свой оценочный потенциал, выступая членом сравнения: *Ей это было по душе: держать в страхе и повиновении. Как Сталин всю страну, но в более мелком масштабе* (В. Токарева, «Своя правда») — или основой для метафоры: *Дубликат российской истории проигрывается в Сенегале, где местный „путин“, 85-летний Абдулай Вад, решил осчастливить своих подданных еще 14 годами своего правления* (Толкователь, 29.01.2012); *Вы хотите, чтобы у нас на площадях бегали десятки таких Саакашвили? ...Вы хотите, чтобы такие Саакашвили дестабилизировали ситуацию в стране?* (Пресс-конференция В. В. Путина, 14.12.2017); *Появятся ли свои „Зеленские“ в других странах бывшего СССР* (Деловая газета «Взгляд», 22.04.2019). При этом, как видно из приведенных примеров, у рассматриваемых имен наблюдаются все признаки прецедентного имени: широкая известность имени, неденотативное употребление, использование кавычек, строчной буквы в начале имени, употребление во множественном числе.

Исследование показало, что в основе социальной оценки, реализуемой посредством прецедентного антропонима из сферы политики, может лежать оценка качеств политического деятеля, его внешних признаков (особенности внешности, элементы одежды / манера одеваться), или оценка единичных резонансных событий, ситуаций, связанных с конкретной личностью.

Остановимся подробнее на конкретных примерах, иллюстрирующих каждый из видов оценки.

Оценка качеств определенной личности и ее деятельности посредством прецедентного имени позволяет лаконично выразить мнение автора речи и усиливает суггестивное воздействие высказывания.

Наша Маргарет Тэтчер. <...> Спустя годы Галина Николаевна такая же активная и неутомимая женщина. Сейчас она работает над докторской диссертацией и при этом очень чутко следит за образованием своих подопечных. Это очень требовательный, целеустремленный и ответственный руководитель, почти такой, как Маргарет Тэтчер (Живая Йошкар-Ола, 13.02.2013).

В данном контексте *Маргарет Тэтчер* выступает символом успешного руководителя, оставившего след в истории своего государства и мировой истории. Упоминание имени известного политика помогает охарактеризовать личность местного чиновника, министра образования и науки Марий Эл (2001—2017)

Г. Л. Швецовой. В данном примере имя известного политика используется для положительной характеристики действующего чиновника, в отличие от следующего примера.

В Лужкове разочаровалась окончательно. Он стал вести себя как когда-то Хрущев: самонадеян, ни к кому не прислушивается (Кириенко можно?, «Коммерсантъ-Власть», 1999).

Н. С. Хрущев «прославился» своим крутым нравом, его называют упрямым, самонадеянным, непредсказуемым (что подтверждается результатами проведенного нами ассоциативного эксперимента). Сравнение с ним усиливает степень оценочности лексики *самонадеян*.

Если в предыдущих примерах имена одних политиков использованы для характеристики других политиков, то в следующем контексте имя политика характеризует человека, который не связан с миром политики.

Почти как Порошенко, но добрый: в Киеве задержан „шоколадный“ грабитель банков, ... один из самых опасных преступников для киевской власти, потому что составлял им неплохую конкуренцию. Однако на их фоне он все равно так и не смог выделиться, видимо, с профессионалами своего дела сравниться не так просто... (Новостное агентство Харьков, 04.07.2017).

Кроме закрепившейся за президентом Украины славы человека, грабящего свою страну, автор для характеристики преступника одновременно затрагивает и другую сторону П. Порошенко — деятельность предпринимателя. Но апеллируя к последнему, автор противопоставляет преступника кондитерскому магнату и называет «шоколадного» грабителя *добрым*, потому что на месте преступления тот оставлял шоколадки для кассиров, чтобы те сильно не расстраивались.

Следует отметить, что, являясь членом сравнения и выступая репрезентантом определенных характеристик и оценок, имя собственное сохраняет связь с денотатом, конкретной личностью, получившей известность благодаря данным качествам и/или достижениям.

Подобная связь ослабевает при метафорическом употреблении имени собственного. Например: *Мне кажется, что М. Зурбова искусственно провозгласили национальным аллергеном, чуть ли не вторым Чубайсом, чтобы использовать как гром-отвод* (Евг. Ясин, «Московские новости», 26.09.2007).

Значение ‘человек, который во всем виноват’ за именем *Чубайс* закрепилось еще в 1990-е гг., после его отставки президентом Б. Ельциным с поста первого вице-преьера

как не справившегося со своими обязанностями (неудачная реформа с приватизацией и др.). После выпуска программы «Куклы» 27 января 1996 г. (серия «Заложники») стала популярной фраза «Во всем виноват Чубайс!». В настоящее время *Чубайсом* называют ‘любого человека, которого обвиняют / делают в чем-то виноватым’. Это одно из устойчивых значений прецедентного имени *Чубайс* наряду со значением ‘рыжий’ (см. далее в данной статье).

Приведем еще пример: *Америка накануне перестройки: там появился местный Горбачев. США решили развалить изнутри. Знакомьтесь: местный Горбачев — Александрия Окасио-Кортес...* (BRreporter, 04.03.2019).

Значение ‘человек, который развалил страну’ прочно закрепилось за именем *Горбачев*.

А в следующем примере имя *Янукович* употреблено в значении ‘любой бывший беглый руководитель’: *Конец кризиса в Гамбии: местный „Янукович“ улетел в изгнание. Экс-президент Гамбии Яхья Джамме, который не хотел признавать поражение на прошлогодних выборах, в конце концов покинул страну* (Obozrevatel, 22.01.2017).

Отдельные имена могут развить схожие оценочные значения, хотя факторы, способствующие формированию этих значений, будут различны. Например, значение «клоун; человек, который смешит других; политический клоун» у имен В. Жириновского и М. Саакашвили: *Неужели не вянут у него уши и не встают дыбом волосы, когда в соловьевских дуэлях несут вздор и позорят страну Жириновские, Митрофановы и прочие шоу-политики?* (Труд-7, 2006.03.09); *Кишиневу не нужен второй Саакашвили, своих клоунов хватает* (Livejournal, 22.01.2018). В. Жириновского называют клоуном из-за его эксцентричного поведения, а М. Саакашвили — политик, получивший ампулу клоуна после инцидента с поеданием галстука в прямом эфире 16 августа 2008 г.

Последний пример показывает, что социальная оценка может сформироваться у имени после единичного резонансного события, связанного с конкретной личностью. Так, широкую известность получил прецедент, когда Н. С. Хрущев во время заседания Ассамблеи ООН 12 октября 1960 г. стучал ботинком по трибуне, пытаясь сорвать обсуждение вопроса по событиям в Венгрии. В дальнейшем за фразой *стучать ботинком как Хрущев* закрепилось значение ‘выражать несогласие с чем-либо, требовать что-либо’: *...Я колотила, я стучала по спине модным, толстым каблуком, как*

Хрущев ботинком в ООН (В. Лиснянская, «Величина и функция»).

В качестве оценки может быть использована и апелляция к «комичной» ситуации, связанной с конкретной личностью: *Почти как Ельцин: Тереза Мэй РАССМЕШИЛА мир своими странными танцами в Африке* (Канал «Россия 24», 28.08.2018). Танец, прославивший Б. Ельцина и вызвавший бурю эмоций у россиян, наблюдали жители Ростова-на-Дону 10 июня 1996 г. во время его предвыборной поездки по региону.

Характеристикой может послужить и имя, являющееся символом какого-либо политического скандала, например, имя *Моники Левински* в значении 'любовница первого лица, крупного руководителя': *У польского президента есть своя Моника Левински?... стараясь походить на старшего „друга“ во всем, президент Польши Александер Квасьневский решил, что и у него должна быть своя Моника* (Комсомольская правда, 04.03.2003).

Или имя *Сноуден* в значении 'любой человек, который выдает тайные сведения, безотносительно к его принадлежности/непринадлежности к спецслужбам': *В интернете продолжает свою деятельность нашумевший проект Formuladohoda.com, разоблачающий коррупционные схемы в российском спорте и еженедельно выставляющий информацию об очередном „договорняке“. Поклонники портала уже успели окрестить его создателей „футбольными Сноуденами“* (Onedivision.ru, 25.07.13).

Но не только личные качества политика, его достижения, резонансные прецеденты могут послужить факторами, способствующими неденотативному употреблению имени. Цвет волос, какая-то запоминающаяся особенность внешнего облика, манера одеваться делает образ политика запоминающимся, а его имя становится меткой характеристикой и получает новые переносные значения. Например, *Обамой* стали называть «любого чернокожего политика»: *На выборах в Тверской области победил местный „Обама“* (NewsProm.Ru, 15.09. 2015). Всех рыжих сравнивают с *Чубайсом*: *Кстати, Ищенко мне сразу не понравился — рыжий такой, на Чубайса похож*) — *Что есть, то есть, на его фоне Тарасенко — красавчик* (eva.ru, 19.09.2018); *Парень-то оказался не зря рыжий: такой въедливый, на Чубайса похож* (Вид с больничной койки. Google Книги).

А некоторые примечательные особенности внешности отдельных политиков помогают характеризовать, например, новые тенденции в мире моды: *Вы уже изучили модные тенденции одежды, обуви, аксессуаров на весну 2010? Пора вспомнить и о причес-*

ке. Что модно? Что популярно? Чем удивить и привлечь внимание? Прическа-коса „веночек молочницы“ а-ля Тимошенко (ж. WomenMag.ru, 25.02.2010); *Наколи мне брови как у Брежнева. Губы „уточкой“ — вчерашний день, главный аксессуар женских лиц — две широкие полосы, чтоб не хуже, чем у Леонида Ильича* (Комсомольская правда, 16.07.2016). Употребление имен *Тимошенко* и *Брежнев* в данных контекстах способствует компрессии текста, но при этом обеспечивает ясность/доходчивость информации.

Элемент одежды политика, ставший неотъемлемой частью его образа, также служит основой для сравнения при характеристике других людей. Например: *Начните с одежды. Одевайтесь скромно, ...лучше что-то полувоенное, вроде как ...Иосиф Сталин* (Р. Райхлин, «Как захватить власть»). Использование имени *Сталин* позволяет лаконично описать, каким должен быть облик революционера.

Переносное значение имя может приобрести в связи заметным аксессуаром одежды какого-либо политика: *Местный Лужков. В Сергеевом Посаде есть свой Лужков. А всё дело — в кепке. Стоит местному пенсионеру Льву Марковичу одеть кепку — все признают в нем столичного градоначальника* (АльянсМедиа, 25.05.2007).

Некоторые антропонимы политического дискурса приобретают несколько устойчивых переносных значений. Такие имена можно назвать многозначными. Это свойство онимов также отмечает Е. А. Нахимова при рассмотрении метафорических и метонимических значений топонимов в современных СМИ. Например, *Швейцария*: 1. горная страна с прекрасными возможностями для отдыха; 2. финансовый центр, отличающийся надежностью и давними традициями; 3. нейтральное государство, которое не вступает ни в какие союзы; 4. страна с высоким уровнем жизни населения [Нахимова 2010: 83].

Особенности многозначности имен политиков заключаются в том, что, во-первых, имя достаточно стремительно развивает несколько значений. Например: *Трампа* — а) богатый человек / миллиардер, бизнесмен: *Парламентские выборы в Чехии может выиграть „местный Трамп“*. В Чехии 20—21 октября проходят выборы в нижнюю палату парламента страны, победу на них прогнозируют „чешскому Трампу“ миллиардеру Андрею Бабишу (СЗАО пресса, 20.10.2017); *Как стать таким же богатым, как Трамп. 9 секретов от миллионера* (журн. «Т-Ж», 08.10.2018); б) непредсказуемый, эксцентричный политик: *На президентских вы-*

борах в Мексике за пост главы государства борются 4 кандидата. ...64-летний Андрес Мануэль Лопес Обрадор — кандидат от коалиции „Вместе сотворим историю“, и его победа наиболее вероятна. ...Судя по популистской риторике, ему больше подходит звание „мексиканского Трампа“ — к тому же он настолько же непредсказуем для личного окружения, как и американский лидер, и тоже любит наводить шум в Twitter (Геополитика.ru, 29.10.2014).

Во-вторых, различается сфера использования имен с переносным значением. Одни значения проявляются только в контекстах, где характеризуются политики, примером чему могут служить значения имени *Жириновский*: а) любой политик-популист: *Обычно перед выборами всякие Жириновские ходят посмотреть, как живет народ. Всё остальное время их это не волнует* (N. Mineyl, twitter.com, 27.01.2018); б) человек, который резко высказывается; эмоциональный, грубый: *Вячеслав Мальцев — второй Жириновский? оба зачастую бывают крепки в своих выражениях и весьма несдержанны на предвыборных дебатах* (Политпазл, 30.08.2016); в) политический клоун (см. пример выше в данной статье); г) несменяемый политик: *Все эти Зюгановы, Явлинские, Жириновские... Вот эта несменяемость — она надолго?* (З. Прилепин, Новый регион 2, 06.11.2007).

Другие имена в переносном употреблении могут характеризовать любого человека независимо от профессии, примером чему служат значения имени *Сталин*: а) человек с большими возможностями: *...он не Сталин и даже не Берия, он рядом с ними плюгавка, он не мог себе позволить все, что угодно...* (Татьяна Окуневская, «Татьянин день»); б) тот, кто держит всех в страхе (см. пример выше в данной статье); в) человек, одетый в военную форму (см. пример выше в данной статье).

В-третьих, по значениям антропонима можно проследить динамику восприятия данного имени: например, сначала *Лениным* называли предводителей протестных движений, оппозиционеров, имя долгое время имело устойчивое переносное значение ‘вождь, революционер’: *Сначала у азербайджанцев, как и у других советских социалистических наций, был свой, местный Ленин* (Р. Арифджанов, «Москва азербайджанская», 1997). Практически параллельно у имени *Ленин* отмечаются менее частотные значения: ‘человек, который знает ответ на вопрос *что делать?*’, ‘автор известной работы «*Что делать?*»’: *Надо что-то делать. Но что? Может, ты знаешь — что делать? — Я не Ленин...* (М. Панин «Камикад-

зе», 2002) или ‘человек, который картавит’: *Товарищи! — совсем уж громко закричал Володя и стал вдруг картавить, как Ленин* (А. Моторов, «Преступление доктора Паровозова», 2013). В настоящее время в языковом сознании представителей русского языка и культуры возрастом до тридцати лет последние значения утрачивают свою актуальность, доминирует значение *Ленин* — это тот, кто ‘вечно живой’: *Ты хочешь сказать, что Дракула до сих пор жив? — Он до сих пор the undead. Примерно как ваш Ленин* (В. Пелевин, «Бэтман Аполло», 2013). Такое восприятие данного имени подтверждается результатами проведенного эксперимента: носители русского языка в возрасте от 18 до 27 лет ассоциативно связывают имя *Ленин* с мавзолеем, при этом социальная оценка становится менее очевидной [Врублевская 2019].

Подводя итог, отметим неоднозначность социальной оценки, которая может быть, с одной стороны, связана с ролью политика в истории государства, его заслугами и достижениями, с другой — с его личными качествами, манерами, поведением, а порой также с формальными несущественными признаками: цветом волос, особенностями внешнего облика, манерой одеваться и даже аксессуарами.

Таким образом, прецедентные онимы политического дискурса, которые в постсоветское время (начиная с 90-х гг. XX в. и по настоящее время) приобрели или изменили социально-оценочные значения, в концентрированном виде передают обобщенные оценочные представления о чертах и особенностях, которые характеризуют разные стороны жизни современного общества и его представителей. Это открывает перспективы лексикографического описания рассматриваемых имен в рамках «Словаря коннотативных имен собственных постсоветского периода», работа над которым ведется нашей проблемной группой в настоящее время.

ЛИТЕРАТУРА

1. Арутюнова Н. Д. Типы языковых значений. Оценка. Событие. Факт. — М.: Наука, 1988. 341 с.
2. Вольф Е. М. Функциональная семантика оценки. — М.: Наука, 1985. 228 с.
3. Воронцова Т. А. Речевая агрессия: вторжение в коммуникативное пространство: моногр. — Ижевск: Удмурт. ун-т, 2006. 252 с.
4. Врублевская О. В. Типы ассоциативных реакций при восприятии коннотативных имен политического дискурса // Теория речевой деятельности: вызовы современности. — М.: Канцлер, 2019. С. 132—133.
5. Гудков Д. Б., Захаренко И. В., Красных В. В., Багаева Д. В. Некоторые особенности функционирования прецедентных высказываний // Вестн. Москов. ун-та. Сер. 9, Филология. 1997. № 4. С. 106—117.
6. Дементьева М. К. Языковые средства выражения оценки в современном российском официальном политическом дискурсе // Политическая лингвистика. 2009. № 4 (30). С. 82—92.
7. Ивин А. А. Оценки в процессах коммуникации // Философия науки. 2012. Т. 17. № 1. С. 203—213.

8. Матвеева Т. В. Параметрическая семантика и экспрессивность слова // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Сер.: История, филология. 2012. Т. 11. № 9. С. 92—98.

9. Крюкова И. В. Прагматика онима: направления исследований и методика анализа // Изв. ВГПУ. 2011. № 8. С. 139—142.

10. Клушина Н. И. Интенциональные категории публицистического текста (на материале периодических изданий 2000—2008 гг.): автореф. дис. ... д-ра филол. наук. — М., 2008.

11. Нахимова Е. А. Прецедентные имена в массовой коммуникации: моногр. / Урал. гос. пед. ун-т. — Екатеринбург, 2007. 207 с.

12. Нахимова Е. А. Интертексты, прецедентные имена или метафоры? // Вестн. Пятигорск. гос. лингв. ун-та. 2008. № 2. С. 133—138.

13. Нахимова Е. А. Метафорические и метонимические значения топонимов в современных СМИ // Изв. Урал. гос. ун-та. Сер.: Проблемы образования, науки и культуры. 2010. Т. 71. № 1. С. 78—85.

14. Нахимова Е. А. Тенденции развития прецедентных онимов в постсоветскую эпоху // Психолингвистические аспекты изучения речевой деятельности. 2011. № 9. С. 116—124.

15. Нахимова Е. А. Историческая динамика прецедентных онимов: окказионализмы, неологизмы, архаизмы и историзмы // Политическая лингвистика. 2012. № 1 (39). С. 144—146.

16. Ретунская М. С. Тематические группы социально-маркированной лексики в английском языке // Язык и общество. Роль экстралингвистических факторов в развитии лексических подсистем. — Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1989. С. 22—32.

17. Солганик Г. Я. Введение // Язык СМИ и политика. — М.: Изд-во Москов. ун-та: Фак. журналистики МГУ им. М. В. Ломоносова, 2012. С. 8—26.

18. Сутужко В. В. Социальная оценка как объект социально-философского анализа: автореф. дис. ... канд. филос. наук. — М., 2004.

19. Телия В. Н. Коннотативный аспект семантики номинативных единиц. — М.: Наука, 1986. 143 с.

20. Хабекирова З. С. Оценка и оценочность в языке демократической оппозиции (на материале газетного политического дискурса) // Вестн. Вятск. гос. гуманит. ун-та. 2009. № 3—2. С. 20—23.

21. Чернышова Т. В. Организация оценочной информации в инвективных текстах публичной коммуникации // Русский язык в современном медиапространстве. — Белгород: Политекра, 2009.

O. V. Vrublevskaia

Volgograd State Socio-Pedagogical University, Volgograd, Russia

ORCID ID: 0000-0003-3269-2622

 E-mail: Gesse-wolf2009@yandex.ru.

Precedent Anthroponyms of Political Discourse as a Means of Social Evaluation

ABSTRACT. *This paper investigates proper names which have changed or acquired evaluative meanings during the post-Soviet period. The subject of scrutiny includes precedent anthroponyms of political discourse (names of Soviet, Russian and foreign politicians of different periods and names of individuals involved in political scandals). The aim of the given study is to determine the evaluative meanings which have formed within these names under the influence of political, economic and social factors in the Russian society during the post-Soviet epoch (from the 1990s to date). To establish the evaluative meanings of the names in question, an analysis of their contextual usage has been conducted on the material of contexts collected from public media and the National Corpus of the Russian language (fiction and journalistic sub-corpus). The results of the analysis have shown that the names examined, if used in the figurative sense (1798 cases), realize their evaluative potential and make up a part of a simile or metaphor. The study has also highlighted three types of social evaluation realized with the help of a precedent anthroponym from political sphere: evaluation of a politician's personal traits, his/her outer features (appearance, favorite clothes / way of dressing) or evaluation of separate notorious events and situations connected with this particular person. Some precedent anthroponyms become polysemantic and acquire several stable figurative meanings over a short period of timeings.*

KEYWORDS: *precedent names; political discourse; social evaluation; language of mass media; onomastics; precedent anthroponyms; politicians; mass media; media linguistics; media discourse; media texts.*

AUTHOR'S INFORMATION: *Vrublevskaia Oksana Valentinovna, Doctor of Philology, Associate Professor, Professor of Department of Linguistics, Volgograd State Socio-Pedagogical University, Russia, Volgograd.*

FOR CITATION: *Vrublevskaia, O. V. Precedent Anthroponyms of Political Discourse as a Means of Social Evaluation / O. V. Vrublevskaia // Political Linguistics. — 2019. — No 5 (77). — P. 132-139. — DOI 10.26170/pl19-05-13.*

ACKNOWLEDGMENTS. *Research is accomplished with financial support of the Russian Foundation for Basic Research (RFBR) grant № 19-012-00578 “Connotative Proper Names as a Tool of Social Assessment: Dynamic Aspect (on the material of Russian texts of the post-Soviet period)”.*

REFERENCES

1. Arutyunova N. D. Types of Linguistic Meanings. Rating. Event. Fact. — Moscow: Science, 1988. 341 p. [Tipyazykovykh znacheniy. Otsenka. Sobytiye. Fakt. — M.: Nauka, 1988. 341 s.] — (In Rus.)

2. Volf E. M. Functional Evaluation Semantics. — Moscow: Science, 1985. 228 p. [Funktional'naya semantika otsenki. — M.: Nauka, 1985. 228 s.] — (In Rus.)

3. Vorontsova T. A. Speech Aggression: Invasion of the Communicative Space: monograph. — Izhevsk: Udmurtia Univ., 2006. 252 p. [Recheyaya agressiya: vtorzhenie v kommunikativnoye prostranstvo: monogr. — Izhevsk: Udmurt. un-t, 2006. 252 s.] — (In Rus.)

4. Vrublevskaia O. V. Types of Associative Reactions in the Perception of Connotative Names of Political Discourse // Theory of Speech Activity: Challenges of the Present. — Moscow: Chancellor, 2019. P. 132—133. [Tipy assotsiativnykh reaktsiy pri vospriyatii konnotativnykh imen politicheskogo diskursa // Teoriya rechevoy deyatel'nosti: vyzovy sovremennosti. — M.: Kantsler, 2019. S. 132—133.] — (In Rus.)

5. Gudkov D. B., Zakharenko I. V., Krasnykh V. V., Bagaeva D. V. Some Features of the Functioning of Case Statements // Proceedings of Moscow Univ. Ser. 9, Philology. 1997. No. 4. P. 106—117. [Nekotorye osobennosti funktsionirovaniya pretsedentnykh vyskazyvaniy // Vestn. Moskov. un-ta. Ser. 9, Filologiya. 1997. № 4. S. 106—117.] — (In Rus.)

6. Dement'eva M. K. Linguistic Means of Expressing Assessment in Modern Russian Official Political Discourse // *Political Linguistics*. 2009. No. 4 (30). P. 82—92. [Yazykovye sredstva vyrazheniya otsenki v sovremennom rossiyskom ofitsial'nom politicheskom diskurse // *Politicheskaya lingvistika*. 2009. № 4 (30). S. 82—92]. — (In Rus.)
7. Ivin A. A. Estimates in Communication Processes // *Philosophy of Science*. 2012. V. 17. No. 1. P. 203—213. [Otsenki v protsessakh kommunikatsii // *Filosofiya nauki*. 2012. T. 17. № 1. S. 203—213]. — (In Rus.)
8. Matveeva T. V. Parametric Semantics and Expressiveness of a Word // *Proceedings of Novosibirsk State Univ. Ser.: History, Philology*. 2012. Vol. 11. No. 9. P. 92—98. [Parametricheskaya semantika i ekspressivnost' slova // *Vestn. Novosib. gos. un-ta. Ser.: Istorija, filologiya*. 2012. T. 11. № 9. S. 92—98]. — (In Rus.)
9. Kryukova I. V. Pragmatics of Onyme: Lines of Research and Analysis Technique // *Proceedings of VGPU*. 2011. No. 8. P. 139—142. [Pragmatika onima: napravleniya issledovaniy i metodika analiza // *Izv. VGPU*. 2011. № 8. S. 139—142]. — (In Rus.)
10. Klushina N. I. Intentional Categories of a Journalistic Text (based on material from periodicals 2000—2008) : synopsis of thesis ... of Dr. of Philol. sciences. — Moscow, 2008. [Intentsional'nye kategorii publitsisticheskogo teksta (na materiale periodicheskikh izdaniy 2000—2008 gg.) : avtoref. dis. ... d-ra filol. nauk. — M., 2008]. — (In Rus.)
11. Nakhimova E. A. Precedent Names in Mass Communication : monograph / Ural. State Ped. Univ. — Ekaterinburg, 2007. 207 p. [Precedentnye imena v massovoy kommunikatsii : monogr. / Ural. gos. ped. un-t. — Ekaterinburg, 2007. 207 s.]. — (In Rus.)
12. Nakhimova E. A. Intertexts, precedent names or metaphors? // *Proceedings of Pyatigorsk State Linguistics Univ*. 2008. No. 2. P. 133—138. [Intertekstemy, precedentnye imena ili metafory? // *Vestn. Pyatigorsk. gos. lingv. un-ta*. 2008. № 2. S. 133—138]. — (In Rus.)
13. Nakhimova E. A. Metaphorical and Metonymic Meanings of Toponyms in Modern Media // *Proceedings of Ural State Univ. Ser.: Problems of education, science and culture*. 2010. Vol. 71. No. 1. P. 78—85. [Metaforicheskie i metonimicheskie znacheniya toponimov v sovremennykh SMI // *Izv. Ural. gos. un-ta. Ser.: Problemy obrazovaniya, nauki i kul'tury*. 2010. T. 71. № 1. S. 78—85]. — (In Rus.)
14. Nakhimova E. A. Trends in the Development of Precedent Onyms in the Post-Soviet Era // *Psycholinguistic Aspects of the Study of Speech Activity*. 2011. No. 9. P. 116—124. [Tendentsii razvitiya pretsedentnykh onimov v postsovetскую epokhu // *Psikholingvisticheskie aspekty izucheniya rechevoy deyatel'nosti*. 2011. № 9. S. 116—124]. — (In Rus.)
15. Nakhimova E. A. Historical Dynamics of Precedent Onyms: Occasionalisms, Neologisms, Archaisms and Historicisms // *Political Linguistics*. 2012. No. 1 (39). P. 144—146. [Istoricheskaya dinamika pretsedentnykh onimov: okkazyonalizmy, neologizmy, arkhazimy i istorizmy // *Politicheskaya lingvistika*. 2012. № 1 (39). S. 144—146]. — (In Rus.)
16. Retunskaya M. S. Thematic Groups of Socially-marked Vocabulary in English // *Language and Society. The Role of Extralinguistic Factors in the Development of Lexical Subsystems*. — Saratov : Publ. house of Saratov Univ., 1989. P. 22—32. [Tematicheskie gruppy sotsial'no-markirovannoy leksiki v angliyskom yazyke // *Yazyk i obshchestvo. Rol' ekstralingvisticheskikh faktorov v razvitiy leksicheskikh podsystem*. — Saratov : Izd-vo Sarat. un-ta, 1989. S. 22—32]. — (In Rus.)
17. Solganik G. Ya. Introduction // *Media Language and Politics*. — Moscow : Publishing house of Moscow Univ. : Faculty of Journalism of Moscow State University n. a. M. V. Lomonosov, 2012. P. 8—26. [Vvedenie // *Yazyk SMI i politika*. — M. : Izd-vo Moskov. un-ta : Fak. zhurnalistiki MGU im. M. V. Lomonosova, 2012. S. 8—26]. — (In Rus.)
18. Sutuzhko V. V. Social Assessment as an Object of Sociophilosophical Analysis : synopsis of thesis ... of Cand. of Philol. sciences. — Moscow, 2004. [Sotsial'naya otsenka kak ob'ekt sotsial'no-filosofskogo analiza : avtoref. dis. ... kand. filos. nauk. — M., 2004]. — (In Rus.)
19. Teliya V. N. The Connotative Aspect of the Semantics of Nominative Units. — Moscow : Science, 1986. 143 p. [Konnotativnyy aspekt semantiki nominativnykh edinit. — M. : Nauka, 1986. 143 s.]. — (In Rus.)
20. Khabekirova Z. S. Evaluation and Appraisal in the Language of the Democratic Opposition (based on newspaper political discourse) // *Proceedings of Vyatka State Humanity Univ*. 2009. No. 3—2. P. 20—23. [Otsenka i otsenochnost' v yazyke demokraticheskoy oppozitsii (na materiale gazetnogo politicheskogo diskursa) // *Vestn. Vyatsk. gos. gumanit. un-ta*. 2009. № 3—2. S. 20—23]. — (In Rus.)
21. Chernyshova T. V. Organization of Valuation Information in Invective Texts of Public Communication // *Russian Language in the Modern Media Space*. — Belgorod : Polyterra, 2009. [Organizatsiya otsenochnoy informatsii v invektivnykh tekstakh publichnoy kommunikatsii // *Russkiy yazyk v sovremennom mediaprostranstve*. — Belgorod : Politerra, 2009]. — (In Rus.)